

**ЭТИКА УСПЕХА: ВЕСТНИК ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ,
КОНСУЛЬТАНТОВ, ЛПР. ВЫП. 1-9 / ЦЕНТР
ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ; ФИНАНСОВО-
ИНВЕСТИЦИОННАЯ КОРПОРАЦИЯ "ЮГРА"; ПОД
РЕД. В.И.БАКШТАНОВСКОГО, Ю.В.СОГОМОНОВА,
В.А.ЧУРИЛОВА. ТЮМЕНЬ-МОСКВА, 1994-1996.**

Почти полувековое вынужденное топтание на месте многих наших "общественных наук" привело к тому, что они отстали от жизни на эпохи. Российское общество изживает сегодня период индустриализма, переходя в "послепромышленное" даже постсовременное состояние. Но общественные науки все еще ассоциируются с просвещением.

Не случайна поэтому и радищевская, просветительская установка, присущая многим периодическим обществоведческим изданиям, в том числе "Этике успеха". В 1996 году вышли в свет девять номеров журнала. Поэтому можно подвести некоторые итоги.

Первые номера представляли собой как бы мозаику мнений, раздумий, наблюдений самых разных авторов. Характерно заглавие одного из первых материалов, написанного Л.Аннинским, - "Междумье. Заметки на полях...".

Позднее, по мере углубления в "жизненный материал" и проводимого редакцией достаточно жесткого отбора авторов стали выпускаться тематические номера. Наконец, сложилась концепция, определилось "направление главного удара"; возник проект, названный "Кредо и кодекс российской власти". Сейчас номера "Этики успеха" постепенно становятся похожи на тома монографии, итога размышлений о реалиях и мифах российского общества.

Целенаправленными усилиями десятков специалистов удалось проанализировать такие сложные проблемы, как российская модель успеха, президентство и парламентаризм в России, значение корпораций, эволюция электората и, наконец, новое поколение (не путать с молодежью!). К сожалению, рамки короткого обзора позволяют рассмотреть только некоторые из представленных в "Этике успеха" тем.

Центральное место в журнале занимают поиски "русской идеи", некоего единого смысла существования россиян, без которого само понятие "русское общество" превращается в геополитическую абстракцию.

В целом складывается весьма противоречивая картина. С одной стороны, анализ состояния русского общества, осуществляемый авторами, среди которых философы, социологи, политологи, показывает, что общество меняется крайне медленно.

Правящее меньшинство (никак не получается назвать его элитой), кажется, обновилось лишь постольку, поскольку часть вчерашней номенклатуры по причине преклонного возраста оказалась не в состоянии приспособиться к новым условиям. Их места занял народ помоложе. Плюс разрастание аппарата - тенденция, которую, аналитики констатировали еще в 1992 году, в частности, на примере Минсельхоза.

Особенно пессимистично, но, тем не менее, убедительно звучит тезис Ю.Левады в девятом выпуске "Этики успеха": система старых, "советских" ценностей в сознании россиян отнюдь не разрушена; она поколеблена, дала трещину, но только начала

разрушаться.

"Общественное мнение" россиян еще настолько специфично, что без кавычек этот термин, пожалуй, пока применять нельзя. Прежде всего, как в том же номере журнала отмечает Б.А.Грушин, многим нашим соотечественникам свойственно полное непонимание происходящего. Феномен беспредельного "плюрализма мнений" крайне затрудняет работу по выявлению групп людей, придерживающихся сходной точки зрения на какую-либо проблему. В том, как реагируют люди на опросы, заметны усталость, недоверие к любому человеку "со стороны". Наконец, в ответах многих респондентов проявляются вопиющие внутренние противоречия, о которых они сами не подозревают.

Естественно, и политический режим, складывающийся в таких условиях, специфичен. Б.Капустин (вып. 2) определяет его как особую, "шумпетерианскую" демократию. Здесь, в частности, политик мотивирован не стремлением осуществить программу, нацеленную на общее благо (обладание постом в данном случае только средство). Напротив, им руководит частный интерес обладания постом (и связанными с этим властью, доходами, контактами), для чего средством может служить любая общественная программа.

С другой стороны, если взглянуть на Россию в не столь отдаленной исторической ретроспективе, выходит, что сегодня она уже совсем иная, новая. Ее доиндустриальная традиционность, как заключает А.Фадин (вып. 6), практически разрушена более чем столетней модернизацией. Индустриализация, сопряженная с урбанизацией, создали Россию, по многим параметрам соответствующую развитому Северу. Это промышленная страна с преимущественно городским (более двух третей) и грамотным населением, с крайне низким (последние годы - минусовым) демографическим ростом, с сопоставимыми характеристиками качества и уровня жизни, стандартизированным набором материально-вещной бытовой сферы, идеальных культурных образов (фильмов, одежды, книг) и видов досуга.

Однако даже столь непростая, раздираемая множеством противоречий общественная система, как считают некоторые авторы "Этики успеха", может и должна быть одухотворена некоей единой идеей. Речь идет об идее успеха.

Понятие успеха в данном контексте не следует упрощать, привычно сводя все к победе сильнейшего над слабейшим. Более того, успех, понимаемый таким образом, скорее будет отвергнут средним россиянином. Причиной этого служит отнюдь не пресловутый страх перед успехом. Суммируя новейшие исследования западных социологов и психологов, А.Согомонов (вып. 3) приходит к заключению, что в современном обществе нет ни стремления избежать успеха, ни тем более страха перед успехом. Суть дела заключается в избрании человеком той или иной социально-профессиональной стратегии деятельности, а именно - соревновательной или кооперационной.

Особенно важным представляется вывод о том, что, если раньше, скажем, во времена античности люди главным образом руководствовались стратегией соревнования, то ныне безусловно преобладает стратегия сотрудничества. Похоже, эпоха индивидуалистического идеала успеха уходит; ему на смену грядет "человек организации".

По-прежнему важной для российского общества остается

фигура первого человека в государстве. Исторически, отмечает А.Ахиезер (вып. 5), первое лицо в России - помазаник Божий. В этом смысле президентство, институт всенародно избираемого главы государства, - новация экзотическая. Тем более, как отмечают в "головной" статье седьмого выпуска В.Бакштановский, Ю.Согомонов и В.Чурилов, судьба президентства в России зависит от не совсем понятного стороннему наблюдателю фактора: соотношения трех основных форм морали. Пришло время в России положить конец бескомпромиссному противостоянию "древнего" (традиционной морали, идеологии соборности) и "нового" (рациональной морали с ценностями этики успеха). Ценностным основанием реального, не формального президентства в России может быть только сосуществование трех моралей, с особым вниманием к слабеньким еще побегам третьей, отвергающей безоглядное стремление к достижениям по строго нравственным основаниям. Относительная стабильность России возможна лишь постольку, поскольку здесь остается место и "подвигу успеха", и отказу от него.

В России чрезвычайно завышены требования к первому лицу и как к реформатору. Анализ новейших работ У.Бека, А.Гидденса и некоторых других авторов позволяет А.Согомонову (вып. 5, 7) провести разделительную черту между политикой, ориентированной на следование правилам, и политикой, ориентированной на изменение правил.

Первая - политика экономического роста, максимально полной занятости, классического демократизма большинства. В нынешних российских условиях она неизбежно приводит к застою, загниванию, выдвиганию на первые роли в государстве вначале при участии, а потом и без участия президента частных лиц, никогда и никем ни избранных, ни назначенных. Точнее, они назначают себя сами.

Второй вариант - политика экономической реактивации, глубокой метаморфозы государства, превращения в экономических и политических "экспертов" все большего числа граждан, десакрализации воли большинства. Только такая политика - средство, с помощью которого президент может способствовать прорыву России в подлинную современность, постсовременность. Только такая политика, предполагающая строгий — и по моральным, и по профессиональным критериям — отбор команды, может уберечь президента от трагикомической роли кремлевского сидельца.

Важное условие развития института президентства, по мнению А.Салмина (вып. 7), — выработка "волшебной формулы", проясняющей смысл исторического государственно-культурного российского синтеза, в частности, четко определяющей статус Православной церкви в государстве. Такая формула, обеспечивая правовое оформление отношений между государством и конфессиями, создала бы надежный фундамент для всей многосложной этно-федеративной конструкции.

Кроме того, как считает И.Клямкин (вып. 7), значение президента в России могло бы существенно возрасти, если бы занимающий эту должность человек сумел "рассудить" две крупнейшие отраслевые суперкорпорации - ТЭК и ВПК. При том, что "сырьевики" ориентированы на космополитическую открытость, а "военка" - на автаркическую замкнутость, согласие между ними все-таки возможно. Необходимо только отказаться от ностальгии по противостоянию НАТО-ОВД и выработать новую

концепцию стратегической безопасности, определяющую как основных стратегических противников России недемократические государства с репрессивными режимами.

Постоянно уделяя пристальное внимание проблемам взаимоотношения государства и общества, авторский коллектив "Этики успеха" с пристрастием исследует характерные черты российского парламентаризма.

Попытки объяснить малую эффективность Государственной Думы сложившейся "неадекватной" расстановкой политических сил или, тем более, формально-юридическими внешними и внутренними факторами не кажутся продуктивными. Сколь-нибудь приемлемые результаты может дать только анализ исторических, культурно-политических обстоятельств.

А.Фадин (вып. 6), подмечает, что в каждом случае существуют свои факторы, делающие представительные институты малоэффективными, но есть и нечто, что позволяет осмыслить сходство ситуаций в Румынии и Южной Корее, Беларуси и Сингапуре, России и Турции. Для объяснения такого сходства автор выдвигает идею импортированной, имитационной демократии.

Большинство стран мира импортировали современный парламентаризм из Европы. Однако на Севере процесс становления парламентаризма шел как бы послойно и параллельно с рыночной модернизацией и структурированием гражданского общества. Там парламент, как высший орган представительной власти, собственно, и формировался лишь постольку, поскольку было кого представлять.

В странах же второго, третьего и прочих эшелонов развития власти либо, по сути, сами разрешили парламенты (дабы соответствовать образцам), либо были вынуждены подчиниться силовому давлению европейцев и/или американцев. В такой стране парламент изначально никого не представляет, кроме самого себя. Он есть только форма, оторванная от содержания и стремящаяся сама стать содержанием. По классическому марксову определению, в этом, собственно, и состоит сущность бюрократизма. Следовательно, а priori такой псевдопарламент есть не что иное, как еще одно чисто бюрократическое, государственное учреждение, вполне вписывающееся в систему всех прочих учреждений и менее всего приспособленное к противостоянию им.

Ситуация в России усугублялась еще и тем, что под видом народовластия здесь в течение нескольких десятков лет существовала система Советов. По замыслу создателей, они должны были совмещать функции исполнительной и законодательной власти, а на деле превратились в придаток государственно-бюрократической машины, являя миру яркий пример, как назвал это И.Клямкин, парламентаризма несобственников, потребителей.

Ликвидация системы Советов в начале 90-х годов совпала с ускоренным процессом разгосударствления собственности, формированием относительно не зависимых от государства социальных групп, нуждавшихся в новых формах выражения своих интересов. Дальнейшее развитие этих, действительно новых россиян — главное условие становления парламентаризма в России.

Однако понимание этой общей закономерности не освобождает нас от необходимости анализа многих частных

проблем, возникающих в недрах представительной власти. Одна из них - профессионализм депутата.

В период избирательной кампании 1989-1990 годов, вспоминает депутат со стажем Г.Бурбулис (вып. 6), демократы искренне выступали под лозунгом "Вся власть Советам!" и их модернизаторская идеология состояла в том, что парламенту нужны люди, хорошо знающие конкретное дело: пусть здравоохранение в стране регламентируют врачи, образование - учителя и т.д.

Со временем ситуация изменилась. Не совместительство, не временный уход, подчеркивает Г.Бурбулис, а сознательное переориентирование и профессиональное перепрофилирование. Создание законов — дело, требующее не меньшего профессионализма, чем воспитание детей или банковские операции. Приток в стены представительных органов "узких профессионалов" из иных областей человеческой деятельности сегодня чреват еще одной опасностью. Именно такие люди становятся самыми беспринципными, жесткими лоббистами, способными дестабилизировать законодательные собрания и думы всех уровней, компрометируя в глазах общественности саму идею разделения властей.

Еще один показатель зрелости, гражданственности общества в России — состояние корпораций, этих, как названы они в выпуске 4, "ассоциаций с консолидированными самостоятельными интересами", лишь отчасти организованных, а главным образом неформальных современных наследниц средневековых цехов.

При отсутствии или крайней неопределенности организационных рамок, по сути, единственным фактором, создающим "корпоративное поле", является фактор этический, правила игры, обязательные для членов корпорации. Значение правил игры очень велико. При том, что все сильнее ощущается потребность "чего-то третьего" между интересами частными и общественными, этим третьим вполне может стать мораль корпорации.

Реальный фактор - также оппозиция государству и "центру" со стороны регионов. Однако и тут привычное понимание региона, регионализма только мешают понять суть дела. В.Каганский (вып. 4) предлагает новую интерпретацию этих понятий. Регион — это единица пространства (быть может, часть пространственно-временного континуума?). Регион пребывает одновременно в фазовом, деятельностном и территориальном, физическом пространстве. Регионы фазового пространства — фазовые регионы. Любой объект — место, человек, структура — одновременно "покрывается" разными регионами, размещен в разных пространствах.

Фазовые регионы стремятся обрести место в физическом пространстве, а территориальные — в фазовом. Пример первого — территориализация крупных промышленных предприятий, второго — получение регионами нетерриториальных статусов и функций социальных и политических субъектов.

Регион — особый жизненный мир. Его важная характерная черта — деидеологизированность: противоречия с центром или с другими регионами всегда сильнее, чем внутри самого региона. В частности, конфликт собственно либерализма и "либерализма регионов" (права человека vs. права региона) до сих пор остается чрезвычайно острым. Не в этом ли причина хронической "верхушечности", "столичности" российского либерализма?

В противостоянии бюрократии и "простых" россиян у последних, вообще говоря, шансы на победу невелики. В нашей истории уже столько раз организованное меньшинство одерживало верх над разобщенными "массами". Сумеют ли они сплотиться и тоже стать организованными?

Несколько поколений советских людей последовательно и небезуспешно учили идти напролом. Теперь задачи иные. Перестройка и постперестройка сформировали когорты молодых, весьма непохожих на их предшественников.

Сегодня у нас нет ни ада, нирая, некуда идти, признает А.Асмолов (вып. 8), поэтому нынешнее поколение — поколение отыскивающих модель жизни. При этом их амбиции (в лучшем смысле слова) очень велики. В.Магун (в том же выпуске) отмечает высокий уровень образовательных и властных претензий старших школьников. Большинство из них хотят жить гораздо лучше, чем их родители.

С одной стороны, все это создает предпосылки для восходящей социальной мобильности, но с другой — накладывает огромную дополнительную ответственность на воспитателя. Наш горький опыт молодым пока не нужен. Их бог — успех.

Концепцию школы успеха предлагает в выпуске 8 Центр прикладной этики. На рубеже третьего тысячелетия проявляются новые признаки и стандарты успеха как универсальной категории и образовательной установки. Новые критерии успеха — риск и ответственность, умеренность победителя и стоицизм проигравшего, "скромная этика контракта", призвание и рутина профессионального долга, моральные абсолюты и правила честной игры. Разумеется, научить всему этому — задача чрезвычайно сложная. Главное в проекте — совпадение культуры сообщества воспитателей и передаваемой ученикам культуры успеха. Понадобится, вероятно, вводить в педагогических колледжах и университетах многие новые дисциплины: педагогику этосферы, ценность детства и права ребенка, жизнь человека как искусство и другие.

Важно, что проект школы успеха отнюдь не предполагает обратить течение жизни вспять, хотя подобное нередко случается с новыми образовательными доктринами.. Напротив, он полностью соответствует моделям жизни настоящего нового поколения.

Каковы недостатки "Этики успеха"? Первые, еще нетематические номера обещали все же нечто большее, чем сегодня дают "монографии". Конечно, сосредоточение значительных сил и средств на узком участке — необходимое условие прорыва. Но ведь важен и неожиданный, незапланированный маневр.

Серия выиграла бы, если в ней получил отражение и юридический аспект проблемы.

Безусловно, содержание журнала имеет первостепенную важность. Вместе с тем нет содержания без формы. Редакторам следовало бы проявить большую требовательность к авторским текстам. Потомки простят все что угодно, только не язык. Кроме всего прочего, отдельные материалы "Этики успеха" перегружены латинизмами.

Первые девять книжек "Этики успеха" — несомненный успех. Главное значение журнала в том, что он институционализировал новое направление в междисциплинарных исследованиях — прикладную этику.